

на кого хотел бы походить подросток. Механизм формирования «гендерного «я» подростка, в принципе, таков же, как у ребёнка-дошкольника (различия здесь состоят только в предмете подражания). А, значит, «гендерное «я» подростка — это, прежде всего, визуальный образ. А, значит, и предметность, и операциональность, и оценочность «гендерного «я» подростка представлены в его сознании *визуально*.

Можно ли говорить о гендерном восприятии мира человеком как о «мировосприятии»? Мы положительно отвечаем на этот вопрос. Во-первых, «гендер» как «социо-культурный пол» — универсальная характеристика личности. Во-вторых, такие коренные вопросы мировоззрения личности как «цель жизни» и «смысл жизни» человека имеют гендерную модификацию. Известны культурные стереотипы-представления о смысле жизни женщины как о «деторождении», и о смысле жизни мужчины как о «социальном самоутверждении».

Что характерно для гендерного мировосприятия современного подростка? Во-первых, в самой сфере «мира» подростка выделяются два значимых «мира»: это мир гендерных образов массовой культуры и мир общения со сверстниками. Лично-значимым для подростка является факт выбора образцов из этих «миров». Структура этих образцов такова: они должны обладать социально значимыми качествами и качеством «сексапильности». Не случайно, что большинство подростков подражают поп-звездам, кино-героям, звёздам спорта. По тому, кому подражает подросток, можно судить о преобладании маскулинной или фемининной ориентации предметной составляющей его «гендерного «я». Если героиней девочки-подростка была в своё время поп-звезда Бритни Спирс, то это, свидетельствует, скорее, о фемининной ориентации подростка. Если героиней девочки-подростка является сегодня знаменитая спортсменка, прыгунья с шестом, практически «непобедимая» Елена Исимбаева, то это, свидетельствует, скорее, о её маскулинной ориентации. Об операциональной и ценностной составляющей «гендерного «я» подростка мы можем что-то можем узнать, выводя подростка на рефлексию через общение, или через написание эссе, сочинений. Но это будет неполное знание, так как «гендерное «я» функционирует в сознание подростка чувственно. Поэтому содержание этих составляющих «гендерного «я» подростка можно выявить через наблюдение за поведением, межличностным общением, за характером его учебной и трудовой деятельности, и, опять же, через анализ уже ценностной и операциональной составляющей того гендерного образца, который выбран подростком как предмет подражания.

К. М. Ольховиков, С. В. Ольховикова

Екатеринбург

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО МИФА

Повседневность уже достаточно давно перестала быть синонимом несущественности. Философические ожидания вполне освоились в смысловом пространстве разговоров о повседневных типах, структурах, процессах, и прочих конфигурациях. Но вот аспекты повседневности как своего рода мифотворчества,

обладающего существенными культурными параметрами, еще артикулирована достаточно слабо. Возможно, темы повседневности, мифа, культуры действительно не имеют точек соприкосновения, не содержат сами по себе предпосылок внятного категориального синтеза, который бы мог способствовать более связному и внятному пониманию современной фрагментированной жизни. Насколько целен в своих проявлениях жизненный мир современного человека?

Главные трудности, стоящие на пути реконструкции существующих предполагаемых связей между повседневностью, мифом, культурой скрываются, все-таки, в повседневности. Значимая латентность культуры для всего обыденного, ее пребывание на уровне ценностных образцов и больших смысловых длительностей человеческой цивилизации на первый взгляд не позволяют культуре в каком-то адекватном статусе быть функцией повседневности. Глубинная архаичность аутентичного мифа вообще заставляют усомниться в его возможной представленности не только в явлениях повседневной жизни XXI в., но и его способности к мирному сосуществованию с современной и постсовременной культурой. И все потому, что повседневность, будучи большой длительностью, неразрывно связана с предметностью материальной цивилизации, а будучи сферой вполне вменяемого миропонимания, повседневность достаточно крепко переплетена со здравым смыслом, плохо размещающим внутри себя мифологические конструкции. Нематериальные ценности и властный иррационализм в равной степени слабо представлены в феноменах повседневности, составляя скорее исключение, чем правило.

Попытаемся реабилитировать категориальный статус повседневности, указав целый ряд понятных повседневных проявлений того, чем является культурный миф.

Культура основана на сущностной проблематичности человеческого существования. Это не простая замена отсутствующих инстинктивных алгоритмов видового выживания. Комплексность культурных явлений сущностно связана с абсолютно значимой, но недостижимой целостностью. Как никогда актуально остроумное замечание Карла Ясперса, что человек как целое никогда не сможет стать предметом научного познания. Именно такова актуальная повседневность жизни людей в современных обществах. Ресурсы информации, коммуникации, перегруза и своеобразного нивелирования общения людей превращает повседневность в первичный культурный контекст.

Миф связан с культурой амбивалентно — как способ ее становления и как ее сущностный антипод по отношению к человеческой индивидуальности. Архаичная подлинность культурного наследия всегда мифологична. Достоверная значимость всегда определена в своей неопределенности, в силу чего и миф не наблюдаем с точки зрения современной повседневности. С другой стороны, в культуре всегда доминирует смысловая значимость оттенков и вариаций, так или иначе ведущих к личности, которой не знает миф. Повседневность личностного мироощущения имеет свое отчужденное отражение в смыслообразе мифа, «лобовое» сопротивление которым всегда превращает личность в заложницу мифа. Повседневность значима в качестве посредника между мифом и культурой, как возможность и риски личностного смысла. Критическим симптомом оказывается

ценностная дилемма самоценной личности и ценностей как таковых, оценивающих любую личность. Сегодня дело идет о «перестановке» точек отсчета в культурном критерии общественной жизни. И этот критерий не является строго нравственным. Прототипом этого изменения, своеобразной логической моделью стала критика ригористической рациональности Джозефом Агасси, который полагал, что вернуться к рациональности современная антропологическая мысль способна лишь ценой отказа от дихотомических оппозиций мышления (совершенно не в контексте проектов постмодерна). Решение проблемы не равносильно ее устранению и в принципе с ним не связано. Культура не самодостаточна в своей самости, «культурности». Культурный критерий социальности, в его различных версиях, лишь подтверждает внутреннюю диффузию нравственных критериев культуры. Чувственное содержание представляет собой конкретные вариации стихийных структур социальной регуляции. Мораль как необходимое обществу перевернутое сознание нуждается в разнообразии менее радикальных аргументов. Культура как форма жизни прирастает мифологическими смыслообразами. Всякая локальность сегодня безжизненна вне ориентировки на глобальные критерии, которые представляют собой не более чем отголосок изначальной универсальности мифа, генетически присутствующего в каждом культурном феномене.

Повседневность принципиально разнородна в своих проявлениях, что не исключает, а, напротив, провоцирует ее способность быть агентом иных, вполне интегрированных смысловых конструктов, чрезвычайно влияющих на человека и его жизнь. Современная мифология пропитывает собой опыт повседневного миропонимания. Мифологическая идентичность непостижима вне проблематизации культурных критериев человеческой личности. Выпадение из ряда культурных традиций, поддерживавших доиндустриальные общества, ангажирует повседневность в число сущностей оспариваемых культурных смыслов.

Но насколько нов этот новый культурный миф? Фрагментация мифологических ресурсов отнюдь не перечеркивает тяжеловесных архитектурных контуров социальных утопий, но фрагментарная утопия заведомо «одомашнена», близка человеку в его «доидеологическом» состоянии. Мир детской доверчивости становится взрослой условностью, подкрепленной безусловными цивилизационными технологическими аргументами и социальными взаимодействиями. Актуальная мифологическая среда как никогда инструментальна. Политические имиджи как никогда идеологичны и обыденны (обыденность как однодневность также вполне приемлема в данном случае, в качестве способа, которым миф варьируется, поддерживая собственный стабильный повседневный статус, статус «большой длительности»). Очевидно, что неоднородность актуальных мифологических представлений также не является новейшим культурным открытием — миф таков всегда, — но изменилась сама внутренняя пропорция внутренних смысловых ресурсов мифологического мышления. Это несколько иной этап жизненного цикла самого мифа. И это не иррациональная заданность, находящаяся вне рамок рационально-эмпирических реконструкций, это процессуальность мифа, тесно взаимосвязанная с жизненными циклами культурной жизни, включая таинственные рождения, развития, гибели различных цивилизаций. Современная цивилизация вполне понятно позиционирована Карлом Ясперсом в качестве

конца «осевого времени», что перекликается с «постметафизической эпохой» по Пьеру Бурдьё, Юргену Хабермасу и многим другим знаковым теоретикам современной культуры.

Сегодня, как и всегда, миф — главный агент действующих социальных сил и культурных образов. Всемирная история культуры вполне адекватно читается как череда мифологических трансформаций, где сам миф не наблюдаем. Так возникает проблема идентичности самого мифа, которая в целом обозначена уже проведенными исследованиями в ключе сопоставления мифов архаичных и современных. Загадка мифа более не скрывается в недрах археологии, в том числе и археологии культуры. Современные изменения столь же не поддаются традиционной (фактически, аристотелевской) логике «здорового смысла», как и древнейшие. Вместо прогресса в понимании мифа приходится говорить об универсальности «мифологии».

Медиативный процесс возрождения мифа отпечатывается в более-менее самостоятельные формы мышления и существования. Соответственно, возникают относительно самодостаточные конфигурации мифомышления и мифодействия (пресуществления). Рост социотехнических зависимостей в современных обществах, вызванный высоким темпом технологических инноваций, создает благодатную почву для фрагментарного мифомышления, тогда как трансформации потребительского поведения открывают «ящик Пандоры», в котором скрывались элементы магического, что и порождает фрагментарное мифодействие. «Чудеса» техники и «глубина» повседневных откровений в равной степени актуальны для цивилизации третьего тысячелетия, и эти рейтинги поддерживаются всевозрастающим спросом, актуальной ненасытностью современного человека. Фрагментация мифа — один из его излюбленных приемов самомаскировки. Происходящее повсеместно обожествление осколков лишь упрочняет власть, как и прежде могущественного, и как всегда невидимого, божества. За многообразием всяческих трансформаций мы все так же остаемся безоружными перед лицом не придуманного слова — мифа. Вместе с тем, эта обезоруженность перед мифом всегда оборачивалась для человека обезоруженностью перед самим собой. Человек всегда был проблемой для самого себя, и это порождало миф, который, в своем архаическом состоянии, восстанавливал единство жизненного мира человека, снимал напряженность, вызванную экстравидовым выживанием человечества. Но сегодня сам миф, будучи явлен в лице собственных осколков, способен лишь усугублять проблему человеческой идентичности, вызывает «вторичный перегруз», который асимметричен «первичному разгрузу» архаичного мифа. Стихия расколотых мифомышления и мифодействия непропорционально больше замкнутого синкретизма архаичного мифа. Расщепленность мифа — выброс спонтанной психической энергии человеческих групп, которая рискованна, в силу своей необратимости, как для мифа, так и для человеческого существования.

Проблемы человеческой судьбы образуют особый цикл проявлений мифа. Сюжет всегда связан с потерей, утратой: о том, как люди утратили возможность возвращать себе молодость, как колдовство вызывает болезнь или смерть, как духи покинули мир людей, и как все же была налажена хотя бы частичная связь с ними.

В связи с этим важно еще раз обратить внимание на эмоциональную и практическую значимость мифа, — он призван смягчить то эмоциональное напряжение, которое испытывает человеческая душа, предчувствующая свою неизбежную и неумолимую судьбу. С одной стороны, миф придает этому предчувствию вполне ясную и осязаемую форму. С другой стороны, он сводит таинственную и леденящую душу идею до уровня привычной повседневности. Оказывается, что вожденная способность возвращать молодость, спасающая от дряхлости и старения, была утрачена всего лишь из-за пустякового случая. Ошибки, провинности и случайности обретают огромное значение, а роль судьбы, фатума, неизбежности низводится до масштаба человеческой промашки. В современном массовом сознании происходит дальнейшее переворачивание ситуации, — ничтожные детали повседневности приобретают с помощью рекламы значение судьбоносности и неизбежности. Конечно, реклама не вполне серьезна, она подразумевает некую самоиронию. Реклама исповедует постмодернизм: строит текст из пародийных цитат и аллюзий. Более того, успевает изобразить простодушную и даже тупую невосприимчивость к градациям ценностей, которыми манипулирует. Стереотипы сознания фиксируются ключевыми словами, которые представляют собой концентрацию целого образа. Учитывая то, что стереотип лишь формируется, еще недостаточно устойчив, используется метод фиксирования противоположных эмоциональных характеристик имиджа. Современный массовый миф возникает и существует как средство воздействия на людей по преимуществу не действием, а словом, знаком.

Человеческая личность нуждается в вере. Объективная реальность взаимосвязанных символов, упорядочивающих ценностные установки группы, безусловно необходима для установления глубинной душевной связанности людей. Подлинность невозможна без внятной, вменяемой отнесенности личности к вещам как таковым, к исповеданию интереса, обладающего волевой и познавательной принудительностью. Повседневность — это актуальный культурный миф, рискованный процесс приращения новых образцов смысла.

Е. В. Попова
Екатеринбург

АБСОЛЮТНЫЕ НОРМЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

В ходе исторического развития человеческие общности вырабатывали разные цели, идеалы, нормы. Социальные общности обычно исходили и до сих пор исходят, в первую очередь, из того, что тот или иной социум и люди, составляющие его, и есть высшая ценность. И. Кант считал, что только человек является целью сам по себе, поскольку выступает субъектом морального закона. Именно человек может судить и судит о соответствии, своих (и чужих) поступков всеоб-